

Липень С.В.

Сетевое общество, «новая геометрия власти» и модернизация государства в современных юридических исследованиях¹

Липень Сергей Васильевич — доктор юридических наук, доцент, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ.

E-mail: svlipen@msal.ru

SPIN-код РИНЦ: [4421-0517](#)

ORCID ID: [0000-0002-3478-956X](#)

Аннотация

Популярные в социогуманитарном знании концепции сетевого общества предполагают конструирование «новой геометрии власти», новые подходы к характеристике государства и политической власти. Модификация политического управления в сетевом обществе направлена на изменение представлений о государстве и его месте среди других субъектов политической деятельности, о политическом участии и соотношении государства и гражданского общества. Обычно утверждается неспособность старых вертикальных иерархий, представленных традиционно формируемым бюрократическим государственным аппаратом, к адекватному политическому управлению и принятию эффективных управленческих решений. Юридическая наука не признает идей о системном кризисе основанной на традиционных подходах политико-правовой системы в современных условиях глобализации, цифровизации, сетевизации общественных отношений. В то же время юристы в целом вполне адекватно воспринимают идею сетевого общества; исследователи готовы, в том числе и в рамках сетевой терминологии, анализировать процессы формирования «новых геометрий власти». В таких традициях в контексте развития социальных коммуникаций могут быть рассмотрены многие макропроцессы модернизации государства, развивавшиеся на протяжении последних столетий (демократия, разделение властей, федерализм и др.). Аспекты модернизации государства в современном сетевом обществе с развитой структурой коммуникационных медиасистем предполагают совершенствование деятельности государственного механизма (законодательной, исполнительной, судебной власти) на основе широкого использования компьютерных технологий. В социогуманитарном знании анализируются разные варианты сетевой модернизации государственного управления, адекватной параметрам сетевого общества. Эти процессы будут осуществляться в том числе и юристами, многие из предлагаемых решений и действий нуждаются в переводе на адекватный юридический язык.

Ключевые слова

Сеть, сетевая парадигма, сетевое общество, сетевое государство, сетевое управление.

DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10102

Введение

Сетевая парадигма предполагает взгляд на общество как на открытую, многоуровневую, децентрализованную систему взаимодействий. Социальной концепции сетевого общества терминологически соответствует идея сетевого государства, которое характеризуется децентрализацией власти, приоритетом горизонтальных связей, едва ли не равноправным положением государства среди иных политических акторов. В юридической науке, однако, подобные взгляды в целом не пользуются популярностью и чаще всего подвергаются критике. Юриспруденция не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16124.

склонна преувеличивать роль сетей и исходит из необходимости суверенной государственной власти, обязательного наличия иерархических вертикальных властеотношений. Тем не менее сетевая терминология активно используется социогуманитарным знанием, и юридическая наука не может ее игнорировать. Поэтому принципиально видеть как новые возможности, которые предоставляют для института государства сетевые технологии, так и соответствующие риски. Достоинства и недостатки сетевых стратегий относительно слабо известны современной юриспруденции, и здесь перспективны стыковые исследования и восприятие достижений социологии, политологии, науки управления. Сетевая методология вполне органично может быть включена в методологический инструментарий юридической науки. Анализ исторических и современных проблем эволюции и модернизации политико-правовой системы с точки зрения разных традиций социогуманитарного знания, с позиций разных методологических подходов вполне актуален для современной юриспруденции.

Концепция сетевого общества и «новая геометрия власти»

Объективным основанием концепции сетевого общества Мануэль Кастельс, один из ее активных популяризаторов, считает «сетевую логику», которая присуща базовой структуре информационного общества. Сетевое общество характеризуется устойчивой связью (стабильной способностью сети поддерживать коммуникацию между ее компонентами) и согласованностью сети, обусловленной общностью интересов между целями сети и целями ее компонентов. Сеть представляет собой множество взаимосвязанных узлов, сетевое общество, по выражению М. Кастельса, «создано сетями производства, власти и опыта» [Кастельс 2000, 505]. При помощи сетевых теорий можно исследовать структуру и динамику общественных отношений. Современные информационно-коммуникативные технологии трансформируют процессы сетевизации и переводят процессы сетевой коммуникации в качественно новое состояние.

Важной идеей является децентрализация власти, сетевое государство, по словам М. Кастельса, и представляет собой «новую геометрию власти», в которой доминирующим является горизонтальный, а не вертикальный тип связей: «Глобализация капитала, процесс увеличения количества сторон, представленных в институтах власти, а также децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам создают новую геометрию власти, возможно, рождая новую форму государства — сетевое государство. <...> В новой структуре власти доминирует сетевая геометрия, в которой властные отношения всегда специфичны для данной конфигурации акторов и институтов» [Там же, 501].

В приведенных цитатах для юристов есть очень принципиальные выражения — «новая форма государства», «новая геометрия власти», «новая структура власти», в которой «доминирует сетевая геометрия». То есть речь идет об иных вариантах конструирования власти; такой смысл можно видеть при переводе в логическое утверждение образа «геометрия власти» (нового для юристов и не используемого в юридических исследованиях, но в целом, как представляется, вполне допустимого).

Геометрические мотивы можно видеть, во-первых, в горизонтальной структуре высших государственных органов («геометрия» модели разделения властей, предопределяющая форму правления); во-вторых, в вертикальной структуре власти («геометрия» государство — регионы — местное управление/самоуправление, предопределяющая форму территориального устройства и модели местного самоуправления); в-третьих, в структуре политической системы, во взаимосвязях государства с другими ее субъектами.

Движение к «новой геометрии власти» есть, по сути дела, процесс модернизации государства, его органов и деятельности, всей политической системы в направлении демократизации и децентрализации политической власти. Но следует иметь в виду и то, что модернизация задана не только сетевой логикой, но и стоящими перед государством и обществом задачами, совершенствованием государственного управления, при необходимости и укреплении государственного суверенитета, управления и вертикали власти. Какие-то сферы государственно-властной деятельности современного демократического государства объективно требуют сетевизации и децентрализации, а какие-то, наоборот, — усиления активно проводимых властных стратегий.

Модернизация государства в контексте развития социальных коммуникаций и «не-электронных» сетевых взаимодействий

Сетевые подходы и конструкции сетей, которые можно наблюдать в разных отраслях научного знания, достаточно вариативны, неотъемлемым атрибутом сети чаще всего признается наличие электронных сетевых коммуникаций.

В то же время сетевые взаимодействия могут рассматриваться и в более широком социологическом плане, без компьютерных сетей, которые, формируя коммуникации и придавая им новые качества, тем не менее, как представляется в некоторых сетевых подходах, не являются определяющей характеристикой сети.

Так, говорят о том, что сеть, в сущности, является очень старой формой социальной организации. К одним из самых древних видов коммуникации и взаимодействий, устроенных сетевым образом, можно отнести орденские сети

католической церкви, а также сети лож тайных обществ [Павлютенкова 2015, 73]. Нередко как децентрализованный характеризуется средневековый правопорядок, в котором органично сочетались интересы монарха, дворянства (сюзеренов и вассалов разного уровня), церкви, городского самоуправления и т.д.; при этом он сравнивается с современными сетевыми отношениями, которые складываются в условиях глобализации внутри современных государств. О том, что для «сетевой геометрии» достаточно только двух субъектов, не находящихся в отношениях власти-подчинения, говорит Г.А. Князев [Князев 2008, 33], сравнивая конфедерации прошлого с сетевыми государствами будущего.

Сетевой подход в трактовках, не предполагающих обязательного учета электронных коммуникаций, сложился в исследованиях международной политики и международного права. Для анализа связей между странами используются модели сетевого анализа, в которых страны являются вершинами графа, они связаны друг с другом отношениями одного или более типов; дуги между вершинами несут информацию о взаимодействии стран (или других субъектов), например, взаимодействие может принимать вид конфликтов между странами или представлять объемы экспортно-импортных операций [Сетевой подход к анализу государств и их взаимосвязей в мировой политике 2019, 280]. Сетевой анализ, как отмечается, является одним из наиболее эффективных инструментов для исследования международных отношений, он активно используется в зарубежной науке [Гавриленкова 2019, 274]. Методы сетевого анализа позволяют проанализировать структуру международных отношений и их динамику, оценить власть и влияние государств в сети, рассмотреть основные вопросы международного права и мировой политики, связанные с формированием международных связей, включая «сетевые альянсы» российского государства с иностранными государствами и международными организациями [Воронцова 2017]. Сети здесь рассматриваются только как особые структуры взаимосвязи между субъектами (вершины и дуги графа).

В одной из зарубежных вариаций сетевого подхода выделяются характерные для современности пять сетей социального взаимодействия [Коробейникова, Гиль 2013, 103]:

- 1) локальные сети непосредственных социальных взаимодействий;
- 2) национальные сети, созданные государством и предписаниями законодательства;
- 3) интернациональная сеть (в рамках отношений между государствами, международными организациями);
- 4) транснациональные сети, независимые от национальных государств;
- 5) глобальные сети, которые охватывают весь мир в целом.

Этот взгляд на сетевые взаимодействия является, по всей видимости, самым широким; отношения в рамках малых социальных групп и правоотношения, возникающие на основании законодательства, чаще всего не рассматриваются в качестве сетевых. Тем не менее подобная позиция показательна в плане вариативности сетевых подходов.

С такими сетевыми подходами сходны представления о государстве как о механизме, состоящем из множества центров; к примеру, Б. Джессоп предлагает рассматривать государство в качестве «институционального ансамбля». Государство именно не субъект, а «ансамбль центров», в рамках которого согласуются возможности различных внутренних и внешних сил, каждая из которых действует для реализации своих политических целей [Джессоп 2019, 454].

В этом плане в рамках сетевой модернизации государства могут быть рассмотрены процессы и теории, которые ведут к децентрализации власти, к наличию более или менее равноправных субъектов, не находящихся в отношениях подчиненности, к установлению разнообразных функциональных и информационных взаимосвязей между ними

Договорная теория в какой-то степени коррелирует с идеями сетевого государства, что отмечается в современных публикациях. Общественный договор выступает процессом согласования информационных потоков многочисленных акторов (народа), в результате появляется государство как выражение общественного согласия. В рамках возникшего договорным путем государства организуются многочисленные связи между людьми.

С точки зрения таких «не-электронных» сетевых подходов могут быть рассмотрены процессы и теории, которые во многом определяли эволюцию и модернизацию государства на протяжении последних четырех веков, в XVII–XX вв.:

- признание зависимости власти от народа, развитие демократических институтов (непосредственной и представительной демократии, политических прав и политического участия), формирование и развитие партийных систем, активная деятельность многочисленных субъектов политической деятельности, через которую признаются и выражаются запросы гражданского общества, требующие эффективной реакции государства;
- разделение властей, предполагающее конкуренцию (механизм сдержек и противовесов) и сотрудничество, согласование усилий разных политических центров в государственном аппарате, направленное против возможной узурпации власти каким-либо центром и объективно ведущее к децентрализации власти;
- развитие федеративных отношений и местного самоуправления (процессы децентрализации политической власти по вертикали);
- ограничение государства правом, идея правового государства;
- развитие международного права, участие в международных организациях и объединениях государств, актуальная в условиях глобализации необходимость согласования аспектов национальной политики на международно-правовом уровне.

Все эти направления модернизации государства, его институтов и деятельности, которые могут быть рассмотрены в рамках «не-электронной» сетевой логики, так или иначе способствовали усложнению политических коммуникаций, развитию горизонтальных связей и механизмов обратной связи, множественности децентрализованного принятия политических решений и децентрализации политической власти.

Выше отмечалось, что процессы модернизации государственности могут быть заданы не только сетевой логикой, но и противоположными требованиями усиления значения государства и укрепления властных вертикалей. Действительно, нельзя упускать из виду объективные процессы усложнения и роста механизма государства, активно проявившиеся в течение XX в. Сетевая методология не может быть достаточной для исследования процессов модернизации государства, как минимум необходим анализ многих процессов в контексте соотношения сети и системы.

Показательны в какой-то степени поправки (2020 г.) в Конституцию Российской Федерации, которые определяют особенности правового регулирования модернизации современного российского государства. Здесь можно видеть сочетание аспектов децентрализации государственной власти, развитие института согласований и консультаций с мерами по укреплению государственного суверенитета и управляемости страной.

Сетевое общество, коммуникационные медиасистемы и модернизация государственного управления

Наиболее популярная концепция сетевых взаимодействий исходит из обязательного наличия компьютерных электронно-информационных сетей, при этом сеть значительно усложняется, увеличивается количество входящих в нее элементов, поднимаются на новый уровень информационные потоки и внутрисетевые взаимодействия, что позволяет говорить о нелинейных, синергичных характеристиках сети.

Позиция в отношении государственности, последовательно проводимая далее, приводит к идеям сетевого государства с превалированием горизонтальных связей и т.д. Юристы, как отмечалось выше, не могут этого принять в силу значимости суверенности государства и признания необходимости иерархии и вертикальных связей как условия любой государственности. Стало быть, неизбежная сетевая логика по необходимости должна быть вписана в логику существующих властеотношений, что в той или иной степени модифицирует различные институты и процессы.

Здесь, во-первых, можно обратить внимание на разрабатываемые на основе информационно-коммуникативных технологий новые электронно-сетевые институты; сообразно принципу разделения властей, можно выделить такие направления цифровизации деятельности государства, как электронная демократия (избирательная система, формирование законодательной власти, обсуждение законопроектов и т.д.), электронное правительство и впоследствии цифровое правительство [Павлютенкова 2019], цифровое государственное управление (деятельность исполнительной власти), электронное правосудие (судебная власть).

Во-вторых, происходит принципиальная сетевая модернизация государственного управления, поиск управленческих моделей, адекватных сетевому обществу. Эта та сфера, в которой юристам интересны и исследования коллег по социогуманитарному знанию, и совместное изучение сетевых, цифровых, виртуальных аспектов государственного управления.

По научным публикациям можно судить о том, что новые концепции, идеи, терминология проблем государственного управления в условиях цифровизации находятся в том числе и в зарубежных социологических и политологических исследованиях.

Большинство авторов исходит из сетевизации, сложности, нелинейности современного политического управления, в котором вертикальные иерархии и государство не занимают господствующего положения (чаще всего речь идет о кризисе этих институтов). Поскольку далеко не везде, в том числе и в современной России, общество и государство в целом готовы для перехода к такой модели, сильны сформированные в докомпьютерную эпоху тенденции к сохранению иерархий и вертикалей власти, современное государственное управление представляет собой некий переходный тип.

Так, говорят о том, что нелинейная логика развития сетевого общества обуславливает процессы диверсификации политических практик и институциональных форм, охватывая и систему публичного управления. Эффект сетевизации публичного управления непосредственно связан с многосоставными сетевыми изменениями в усложняющемся пространстве публичной политики, в котором возможности влияния и контроля рассеяны между разнообразными индивидуальными и коллективными акторами. Под воздействием сетевизации публичное управление становится многослойным и многосторонним [Мирошниченко 2014, 56]. Государство в сетевом управлении становится координационным, создавая условия для вовлечения граждан в публичную политическую деятельность и ограничивая тем самым свою монополию. Электронное правительство, основанное на механизмах электронного участия, создает условия для реализации постмодернистской модели государства, в котором граждане могут получить возможность контролировать действия правительства посредством участия в сетях как пользователя и управленца [Там же, 57–58].

Поэтому отмечается безусловное расширение субъектного состава публичной политики, принципиальная необходимость сотрудничества государства и структур гражданского общества в принятии политических решений.

Виртуализация коммуникации непосредственным образом влияет на государственное управление, усиливая и масштабируя влияние гражданских структур на процесс принятия решений; в силу этого необходима ориентация государственных институтов на расширение участия сетевых сообществ в политико-управленческой деятельности посредством различных механизмов, большая вовлеченность политиков и управленцев в сетевую активность [Михайлова 2019, 25, 36].

Сетевое общество трансформирует государственное управление в направлении совместного управления, то есть активного участия граждан в производстве и исполнении политических решений. В зарубежной науке введен термин «партисипаторная управляемость», это сетевой эффект в публичном управлении, возникающий в сетевых структурах, для которых свойственны большое количество участников, плотность отношений, реципроктность, доверие и принадлежность [Сморгунов 2019, 43].

Интересно рассматриваемое в западной политической науке противопоставление не двух (иерархической и сетевой), а трех различающихся своими системными принципами моделей государственного управления — иерархической (Control & Administration), рыночно-ориентированной (Management) и общественно-сетевой (Governance).

Общий смысл концепции «Governance» состоит в том, что государственное управление утрачивает прежнюю жесткость, детализированность и регламентированность; оно базируется скорее на горизонтальных, чем на вертикальных связях между государством, гражданским обществом и бизнесом. Подобное управление отличается как от простого администрирования, при котором источником политических решений выступает исключительно политическое руководство, так и от рыночной модели, где каждый участник пытается максимизировать свою выгоду. В противовес привычной практике публичного управления главными инструментами становятся согласие и договор. Традиционное администрирование преимущественно уделяло внимание праву и регламентам, современное — нормам, коллективным рекомендациям, моральным соглашениям. Традиционная власть осуществлялась правительствами, бюрократией и парламентами, новая может формировать межорганизационные сети нового публичного управления (совместные предприятия, стратегические альянсы, деловые группы, организации с особыми правами, исследовательские консорциумы, контрактные, межминистерские, межведомственные и межотраслевые образования и т.п.), которые отличаются от внутриорганизационных сетей бюрократических иерархий [Сморгунов 2011, 87–88].

Следующий шаг после описания моделей сетевого управления — оценка перспектив их внедрения в российское политическое пространство. Здесь чаще всего речь ведут об отсутствии необходимых условий и разработке промежуточных адаптивных моделей, об отдельных направлениях движения государственного управления в сторону сетевизации.

Отмечается, что переход к сетевым формам организации в государственном управлении в России требует не только политической поддержки, но и социокультурной адаптации, в ходе которой происходит трансформация исходных образцов для приспособления их к отечественной «культурной почве». При этом хорошо «приживаются» так называемые «промежуточные институты», соответствующие принципу «зоны ближайшего развития» [Марача 2018, 1017].

Опираясь на результаты социологических исследований, А.Г. Кравченко приходит к выводу об отсутствии готовности не только со стороны государства, но и со стороны институтов гражданского общества к реализации концепции сетевого государства [Кравченко 2012, 50] (понимаемого как организация власти при помощи средств электронной коммуникации или же как организация государственной власти на началах децентрализации и замены иерархии горизонтальными связями). Необходимо, по его мнению, разработка адаптивной модели сетевого администрирования с учетом национальной специфики государственного управления.

Во многих публикациях, посвященных этой проблематике, намечаются пути перехода российского государственного управления к более децентрализованной сетевой модели. Модернизация государственного управления будет осуществляться в том числе и юристами, многие из предлагаемых решений и действий нуждаются в переводе на адекватный юридический язык. Как и в самой концепции сетевизации и сетевого общества, здесь немало «подводных камней».

Так, говорят о необходимости снижения роли централизованных и иерархических форм государственного управления [Михайлова 2019, 37], о «минимизации государственных функций», которая заключается в передаче части функций органам местного самоуправления, общественным экспертным советам, саморегулируемым организациям, иным институтам гражданского общества [Кравченко 2012, 49]. Следует, однако, отметить, что, заботясь прежде всего о взаимодействии с гражданским обществом и развитии его институтов и уходя таким образом от государства, можно утратить должную степень управляемости общественными процессами. Как минимум необходима дифференциация по видам деятельности: одно дело — развитие производства, бизнес-проекты и инвестиции, второе — воспитание и образование, третье — экология и охрана окружающей среды, четвертое — обеспечение правопорядка и борьба с преступностью, пятое — обеспечение общественной безопасности и т.д.; и везде необходимо свое сочетание централизации и децентрализации, управления и самоуправления, в том числе и для противодействия угрозам современного мира (см., например, Стратегию национальной безопасности РФ).

Примерно то же можно сказать и о другом популярном предложении — об «абстрактном правовом регулировании», о «минимизации детальной регламентации государственной деятельности и построении ее на основе правовых принципов и правовых прецедентов. Соответственно, в правовом регулировании государственного управления ключевая роль отводится судебной системе» [Там же]. Здесь не все так просто: в юриспруденции принципиален вопрос о пределах и методах правового регулирования, он, как правило, зависит от регулируемых общественных отношений. Излишне «абстрактное», недостаточное, пробельное правовое регулирование — такое же зло, как и избыток правовых норм. К примеру, дискретные полномочия должностных лиц рассматриваются в качестве коррупциогенной составляющей. Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) выработана доктрина правовой определенности, здесь предполагается достаточность правового регулирования прав и обязанностей; правовая неопределенность однозначно рассматривается как недостаток законодательства.

С юридической точки зрения к конфликту компетенций может привести создание в системе власти на основе сетевых структур многоцентричной системы «со смягченной и расщепленной должностной иерархией (принцип многоначалия), с широкой взаимоперекрывающейся специализацией всех членов сети» [Гиль 2015, 101], равно как и предложения о создании системы конкурирующих государственных учреждений и саморегулируемых организаций, оказывающих публичные услуги [Кравченко 2012, 49].

Иногда недостаточно ясны предложения о модернизации государственной службы: «Государственная служба должна изменить формат работы и действовать максимально открыто. Государственная гражданская служба XXI века уполномочивает госслужащих работать, обсуждать и решать проблемы с другими заинтересованными сторонами...» [Павлютенкова 2019, 133]; конечно, это очень общая формулировка, как будто бы этого совершенно чурались государственные служащие предшествующих веков. Высокоэффективная бюрократия, способная к самоорганизации, самоконтролю, профессиональной компетентности, ответственности и инициативности [Кравченко 2012, 49], естественно, не помешала бы и в традиционном государственном аппарате, не обязательно построенном на сетевых принципах.

Вообще, предложениям в части модернизации государственной службы, механизма принятия решений (технологии «сетевых решений», «альтернативных решений» [Там же]) свойственен определенный утопизм; как будто бы и не существует коррупции, корыстных интересов, противоположных ценностей и т.п.; как будто бы все отношения в сетевом обществе пронизаны общим согласием и единством.

На это, кстати, тоже указывают [Гиль 2015, 101]: одно из основных отличий сетевой формы организации от традиционной заключается в этических или ценностных ориентациях ее участников; центральным элементом является «дух доброй воли» (использование «голоса» вместо «силы»); в отношениях между участниками преобладает чувство ответственности, а не желание извлечь выгоду; члены сетевой организации составляют «моральное сообщество», в котором предполагается доверительное поведение, понимание нормативных стандартов, а оппортунизм предпрешен. Все-таки надо вспомнить, что в рамках социологии (сетевое общество — одна из социологических концепций) когда-то развивалась и конфликтология. Не принимать во внимание аспекты конфликтности любой управленческой деятельности, постоянные столкновения интересов, необходимость минимизации конфликтов и поиска компромисса (при нахождении которого до морального единства, доверия и согласия может быть очень далеко) в значительной степени утопично.

Заключение

Юриспруденция, таким образом, в целом вполне адекватно воспринимает идею сетевого общества и готова, в том числе и рамках сетевой терминологии, анализировать процессы формирования «новых геометрий власти». В таких традициях в контексте развития социальных коммуникаций могут быть рассмотрены многие макропроцессы модернизации государства, развивавшиеся на протяжении последних столетий (демократия, разделение властей, федерализм и др.).

Аспекты модернизации государства в современном сетевом обществе с развитой структурой коммуникационных медиасистем связаны, с одной стороны, с совершенствованием деятельности государственного механизма, входящих в него властей на основе широкого использования компьютерных технологий; с другой — с принципиальной сетевой модернизацией государственного управления, адекватной параметрам сетевого общества. Юридические аспекты «переходных» «адаптивных» моделей и отдельных предложений о сетевизации государственного управления затрагивают проблемы правотворчества и правообразования, совершенствования законодательства и юридической практики, формирования необходимого уровня профессиональной правовой культуры должностных лиц.

Список литературы:

- Воронцова Н.А.* Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями // Московский журнал международного права. 2017. № 2(106). С. 136–143. DOI: [10.24833/0869-0049-2017-2-106-136-143](https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-2-106-136-143).
- Гавриленкова И.Е.* Государства в сетях: сетевой подход в международных исследованиях // Политическая наука. 2019. № 3. С. 264–278. DOI: [10.31249/poln/2019.03.14](https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.14).
- Гиль А.Ю.* Возможности сетевой формы организации межведомственного взаимодействия власти в решении социально значимых задач // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4(20). С. 97–103. DOI: [10.17223/22220836/20/13](https://doi.org/10.17223/22220836/20/13).
- Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Князев Г.А.* Конфедерации прошлого — сетевые государства будущего? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 5(280). С. 33–52.
- Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю.* Сетевые структуры в глобальном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4(24). С. 99–107.
- Кравченко А.Г.* Концепция сетевого управления государством в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 48–50.
- Марача В.Г.* Сетевая организация и системные принципы управления во взаимоотношениях инновационного бизнеса и государства // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2018. Т. 14. № 4. С. 1012–1019. DOI: [10.25559/SITITO.14.201804.1012-1019](https://doi.org/10.25559/SITITO.14.201804.1012-1019).
- Мирошниченко И.В.* Эффекты и результаты сетевизации современной публичной политики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 4. С. 42–69.
- Михайлова О.В.* Современное государственное управление в условиях виртуализации и расширения сетевого ландшафта публичной политики // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2019. № 4. С. 23–39.
- Павлютенкова М.Ю.* Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 71–81.

Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 120–135. DOI: [10.14515/monitoring.2019.5.07](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07).

Сетевой подход к анализу государств и их взаимосвязей в мировой политике: интервью ординарного профессора НИУ ВШЭ М.В. Ильина с ординарным профессором, заслуженным профессором НИУ ВШЭ Ф.Т. Алескеровым (Москва, 15 апреля 2019 г.) // Политическая наука. 2019. № 3. С. 279–284. DOI: [10.31249/poln/2019.03.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.08).

Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 4. С. 85–96.

Сморгунов Л.В. Партиципаторная управляемость в условиях цифровизации: сетевой эффект и институты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 4(61). С. 43–49.

Дата поступления: 08.08.2020

Lipen S.V.

Network Society, “New Geometry of the Authority” and State Modernization in Current Legal Studies²

Sergey V. Lipen — DSc (Juridical sciences), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation.
E-mail: svlipen@msal.ru
ORCID ID: [0000-0002-3478-956X](https://orcid.org/0000-0002-3478-956X)

Abstract

The concepts of network society that have gained much favour in the Humanities and in the social science involve the construction of “new geometry of the authority”, as well as new approaches to the characterization of the state and political authority. Modification of the political governance in the networked society is aimed at changing the perception of the state and its place among other political actors, political participation and relationship between the state and civil society. It is usually argued that the old vertical hierarchies are incapable of adequate political management and effective management decisions, represented by the traditionally formed bureaucratic state machine. Legal science does not recognize the idea of the systemic crisis based on traditional approaches of the political and legal systems in the modern context of globalization, digitalization, and networking of social relations. At the same time, lawyers generally quite adequately perceive the idea of the network society; researchers are ready, including within the framework of network terminology, to analyze the processes of formation of “new geometries of the authority”. In such traditions, in the context of social communications development, many macro-processes of state modernization that have developed over the past centuries (democracy, separation of powers, federalism, etc.) can be considered. Aspects of modernizing the state in a modern network society with a developed structure of communication media systems involve improving activities of the government

---

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16124.

mechanism (legislative, executive, judicial powers) based on the widespread use of computer technologies. The Humanities and the social science consider various options for network modernization of public governance that is relevant to parameters of a network society. The lawyers should be definitely involved in the researchers conducted in this area, as far as many of the proposed solutions and actions need to be translated into an adequate legal language.

Keywords

Network, network paradigm, network society, network state, state sovereignty, network management.

DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10102

References:

- Castells M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Transl. by O.I. Shkaratan. Moscow: GU VShE.
- Gavrilenkova I.E. (2019) States in Networks: Network Approach in International Studies. *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 264–278. DOI: [10.31249/poln/2019.03.14](https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.14).
- Gil A.Yu. (2015) Features Network Forms of Organization of Inter-Agency Cooperation Between the Authorities in Solving Socially Significant Tasks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*. No. 4(20). P. 97–103. DOI: [10.17223/22220836/20/13](https://doi.org/10.17223/22220836/20/13).
- Jessop B. (2019) *The State: Past, Present, Future*. Ttransl. by S. Moiseyev, ed. by D. Karasev. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKHiGS.
- Knyazev G.A. (2008) The Confederation of the Past — A Network State of the Future? *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. No. 5(280). P. 33–52.
- Korobeynikova L.A., Gil A.Yu. (2013) Net structures in a Global World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 4(24). P. 99–107.
- Kravchenko A.G. (2012) The Concept of the Net Management of State in Russia. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*. No. 1. P. 48–50.
- Maracha V.G. (2018) Network Organization and Systemic Principles of Governance in Relationships Between Innovative Business and the State. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i IT-obrazovaniye*. Vol. 14. No. 4. P. 1012–1019. DOI: [10.25559/SITITO.14.201804.1012-1019](https://doi.org/10.25559/SITITO.14.201804.1012-1019).
- Mikhailova O.V. Modern Public Administration in the Context of Virtualization and Expanding the Network Landscape of Public Policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 4. P. 23–39.
- Miroshnichenko I.V. (2014) Networking Effects and Results of Modern Public Policy. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. No. 4. P. 42–69.

Network Analysis Approach to Research of States and Their Interrelations in Global Politics: The Interview of Professor of HSE Mikhail Ilyin with Professor Fuad T. Aleskerov (Moscow, April 15, 2019) (2019) *Politicheskaya nauka*. No. 3. P. 279–284. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.08>.

Pavlyutenkova M.Yu. (2015) The Political Activity in the Network Environment. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. No. 3. P. 71–81.

Pavlyutenkova M.Yu. (2019) Electronic Government Vs Digital Government in the Context of Digital Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. No. 5. P. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.07>.

Smorgunov L.V. (2019) In Search of Governability: Transformations of Public Administration Theory in XXI Century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 4. P. 85–96.

Smorgunov L.V. (2019) Participatory Governability under Digitalization Conditions: Network Effect and Institutions. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. No. 4(61). P. 43–49.

Vorontsova N.A. (2017) Creation of Network Alliances of the Russian Federation with Foreign States and International Organizations. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. No. 2(106). P. 136–143. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-136-143.

Received: 08.08.2020